

Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.?

Андрей Усачев

Why did the «Volokolam hegemony» end in the Russian church of the 16th century?

*Andrej Usachev (Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO-University), Russia; Russian State University
for the Humanities, Moscow)*

Исключительная роль выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря в управлении Русской Церковью в XVI в. общеизвестна. Начало «волоколамской гегемонии» традиционно связывается со временем занятия митрополичьей кафедры бывшим волоколамским игуменом Даниилом (1522–1539 гг.)¹. Однако неясной остаётся причина ослабления роли Волоколамской обители. Оно неопределённо относится к последней трети XVI в.²

В работе 2014 г. я высказал предположение о том, что ослабление влияния волоколамских иноков могло быть связано с возможным конфликтом волоколамского постриженника казанского архиепископа Германа (Садырева-Полева) с Иваном IV в 1566 г.³ В настоящее время данная гипотеза не представляется достаточно убедительной. Во-первых, известий о каких-либо репрессиях по отношению к волоколамским инокам известные нам источники не содержат⁴. Во-вторых, после 1566 г. – в 1568–1581 гг. – 5 выходцев из обители Иосифа были поставлены на кафедры. В-третьих, царь, судя по его щедрым вкладам

© 2017 г. А.С. Усачев

¹ Здесь и далее сведения о сроках настоятельства и занятия кафедр приводятся по фундаментальному справочнику П.М. Строева (*Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви*. СПб., 1877).

² Например, см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. С. 309, 311; *Алексеев А.И.* Иосифляне // *Православная энциклопедия* (далее – ПЭ). Т. 26. М., 2011. С. 80.

³ *Усачев А.С.* Когда закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // *Исторические записки* (далее – ИЗ). М., 2014. Вып. 15 (133). С. 151–169.

⁴ Возможно, единственным исключением из этого правила стала гибель в годы опричнины выходца из Иосифо-Волоколамского монастыря архимандрита рязанского Солотчинского монастыря Исаака Сумина. Восходящую к «Истории» А.М. Курбского версию об убийстве архиепископа Германа во время его конфликта с царём счёл недостаточно убедительной ещё С.Б. Веселовский (*Веселовский С.Б.* Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 372). Не усиливают гипотезу о насильственной смерти Германа и имеющиеся данные о представителях рода Полевых в эпоху Грозного. Судя по всему, систематические репрессии против них не проводились (*Шокарев С.Ю.* Полевы: потомки боярина Александра Поля // *История московского боярства XIV–XVII вв.: тезисы докладов и выступлений научной конференции*. Ноябрь 1997 г. М., 1997. С. 16–20; *Антонов А.В.* К родословию Полевых в XVI веке // *Русский дипломатий* (далее – РД). Вып. 6. М., 2000. С. 168–178).

и поездкам в монастырь, эту обитель своей милостью не забывал⁵. Чем же обусловлено окончание «волоколамской гегемонии»? Попытаемся сначала определить хронологические рамки этого процесса.

Есть веские основания относить падение влияния Волоколамской обители к периоду не позднее 1584–1585 гг. Этим временем датируется челобитная царю Фёдору Ивановичу рязанского владыки Леонида (Протасова), выходца из Иосифо-Волоколамского монастыря. В ней Леонид жалуется государю на поведение ростовского архиепископа Евфимия, с обителью Иосифа явно не связанного⁶. Суть жалобы архиерея сводится к следующему. На царском пиру на Рождество Христово Евфимий ему «с собою ести с блюда не дал и меня, богомольца твоего, конечно позоровал». Как специально подчёркивает Леонид, занимавший кафедру с 1573 г., ранее ситуация была принципиально иной: «При отце твоём, при нашем государе при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси аз, богомолец твой, едал со архиепископом с Новгородским с одного блюда». Особенно важно зафиксировать, что, судя по тексту челобитной, ростовский владыка «позорованием» одного Леонида не ограничился. Он подверг резкой критике всех постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря: «нас..., осифовских постриженников, называет всех не осифовляны, но жидовляны». Челобитную Леонид заключил перечислением заслуг связанных с обителью Иосифа лиц перед Церковью и русскими государями и просьбой «оборонить Пречистой дом (т.е. основанный Иосифом монастырь Успения Богородицы. — А.У.) от такого наветного и наносного слова»⁷.

Отдельные вспышки недовольства иосифлянами некоторых иерархов источники фиксируют и ранее⁸. Однако в данном случае речь идёт об оскорблении единственного архиерея-иосифлянина со стороны одного из руководителей Русской Церкви (в её иерархии ростовский владыка занимал 4-е место после московского, новгородского и казанского владык). Не приходится сомневаться в том, что это было возможно только в условиях значительного

⁵ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 123–126, 309–310; *Штайндорф Л.* Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* (далее — ДРВМ). 2002. № 2. С. 90–100.

⁶ Точно неизвестно, в какой именно обители Евфимий принял постриг. Известно лишь, что он давал вклады в Кирилло-Белозерский монастырь (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.: комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромов. СПб., 1998. С. 166). Однако, несмотря на то что выходцы из этой обители в XV–XVII вв. очень часто занимали Ростовскую кафедру, Евфимий, судя по всему, к их числу не принадлежал. Не упоминается он и в Летописце Кирилло-Белозерского монастыря, где есть сведения обо всех игуменах этой обители и связанных с ней архиереях (*Ульяновский В.И.* Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг. // *Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования.* СПб., 1994. С. 136–137).

⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 410. Неизвестно, к каким последствиям привела челобитная. И ростовский, и рязанский владыки вскоре покинули кафедры. А.А. Зимин полагал, что их насильственно устранили по решению светских властей (*Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 315). Подтверждений этому предположению пока неизвестно.

⁸ Во время зимне-весеннего собора 1554 г. рязанский владыка Кассиан подверг критике иосифлян (Московские соборы на еретиков XVI-го века: Сказание вкратце на соборе на Матвее в Башкина на еретика, и о епископе Касьяне Рязанском // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете* (далее — ЧОИДР). 1847. № 3. С. 1). Суть его критических высказываний до конца неясна. Собор, большинство участников которого составляли иосифляне и близкие к ним лица, рязанского владыку не поддержал. Личное участие царя, для того чтобы «оборонить Пречистой дом», не потребовалось.

ослабления влияния постриженников обители Иосифа. В 1584–1585 гг. из 10 иерархов Русской Церкви лишь один Леонид являлся выходцем из Иосифо-Волоколамского монастыря. Очевидно, что к 1584–1585 гг. ни о какой «волоколамской гегемонии» в Русской Церкви говорить не приходится. При этом, судя по тексту челобитной, Леонид в период пребывания на Рязанской кафедре (1573–1585 гг.) ещё застал время, когда позиции волоколамских иноков оставались достаточно сильными. Этот период он неопределённо относит ко времени правления Ивана IV. В связи с проявленной рязанским владыкой в 1584–1585 гг. «ностальгией» по прежним временам поставим то, что в 1570-х – начале 1580-х гг. помимо самого Леонида архиереями являлись и другие выходцы из Иосифо-Волоколамского монастыря: казанские архиепископы Лаврентий (1568–1574 гг.), Тихон (Хворостин) (1575–1576 гг.), Иеремия (1576–1581 гг.), а также крутицкий епископ Симеон (1581–1582 гг.). Как уже отмечалось, в середине 1580-х гг. Леонид оставался единственным архиереем-иосифлянином.

В поисках ответа на вопрос о причинах этого казуса неизбежно встанет другой вопрос: а на чём держалась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви до последней трети XVI в.? Важность ответа на этот вопрос определяется тем, что Иосифо-Волоколамский монастырь по ряду параметров не только не превосходил, но и уступал другим крупным обителям.

Общеизвестно, что относительная «молодость» Иосифо-Волоколамского монастыря, основанного лишь в 1479 г., заведомо лишала его каких-либо преимуществ по отношению к монастырям с более древней историей – владимирскому Рождественскому, новгородским Юрьеву и Спасо-Хутынскому, Троице-Сергиеву, московским Чудову и Симонову, Кирилло-Белозерскому и др. С незначительным по меркам того времени возрастом Волоколамской обители непосредственно связано и отсутствие в ней святых с общерусским почитанием⁹. Это также отличало её от других крупных монастырей. Общерусское почитание основателя обители Иосифа установилось лишь в 1591 г., т.е. в период, когда ни о какой «волоколамской гегемонии» речь уже не шла. Неудивительно, что относительно новый монастырь, не располагавший пантеоном широко почитаемых за его пределами святых, в церковной иерархии XVI в. занимал лишь 19-е место¹⁰, а его настоятель имел статус игумена, а не архимандрита.

⁹ Судя по состоянию рукописной традиции рассказов о Кассиане Босом, Фотии и других волоколамских старцах, их почитание в рассматриваемый период не вышло далеко за пределы Иосифо-Волоколамского монастыря (подробнее о соответствующих памятниках см.: Крушельницкая Е.В. Два автографа волоколамского книжника Вассиана Кошки в собраниях Отдела рукописей Российской национальной библиотеки // Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 322–328; Древнерусские патерики (Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик). М., 1999; Романова А.А. Иосифо-Волоколамский патерик // ПЭ. Т. 26. С. 122–124). Как уже отмечалось в историографии, осознавая явную нехватку связанных с Иосифо-Волоколамским монастырем святых, его иноки исключительное внимание уделяли прославлению наставника Иосифа Волоцкого – Пафнутия Боровского (об этом, например, см.: Кадлубовский А.П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин, 1899. С. 98–149; Демкова Н.С. Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 51. СПб., 1999. С. 353). Однако общерусское почитание ему установили лишь на соборе 1547 г., когда «волоколамская гегемония» уже утвердилась.

¹⁰ Алексеев А.И., Васильева Е.А., Масиель Санчес Л.К., Шевченко Э.В. Иосифов Волоколамский (Волоцкий) в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь // ПЭ. Т. 26. С. 95.

Говоря об авторитете той или иной обители и её месте в церковной иерархии в период Средневековья, важно отметить, что они далеко не всегда были напрямую связаны с её экономическими возможностями. Так, очевидно, что в соответствии с длительной традицией занимавший первое место в перечне русских обителей (до 1561 г.) владимирский Рождественский монастырь не располагал такими земельными владениями как Чудов, Симонов, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и некоторые другие. Это в свою очередь побуждает думать, что немалые земельные владения Иосифо-Волоколамского монастыря¹¹ не играли определяющей роли в установлении и удержании «волоколамской гегемонии» в Русской Церкви. В связи с этим поставим и то, что экономические возможности других крупных обителей были либо сопоставимы¹², либо даже значительно превышали земельные владения обители Иосифа¹³.

Благоволение могущественных светских лиц в XVI в., конечно, играло свою роль. Однако с точки зрения знатности постриженников и захороненных лиц и, соответственно, размера вкладов Волоколамская обитель не стояла в одном ряду с Троице-Сергиевым, Симоновым или Кирилло-Белозерским монастырями. В Иосифо-Волоколамском монастыре не постригали и не хоронили представителей наиболее знатных и влиятельных в России XVI в. родов – Бельских, Мстиславских, Воротынских, Шуйских или Романовых. Иосифо-Волоколамский монастырь был обителью представителей мелких и средних служилых родов, таких как Санины, Топорковы, Полевы или Ленковы¹⁴.

Личное расположение великого князя, конечно, имело значение. Однако очевидно, что его было недостаточно для закрепления и удержания позиций в течение нескольких десятилетий. Так, в 1520-х – начале 1530-х гг. поддержка, оказываемая Василием III волоколамскому игумену, а позднее митрополиту Даниилу, несомненно, сыграла значимую роль в установлении «волоколамской гегемонии». Однако применительно к длительному периоду «боярского правления» (1538–1547 гг.) ни о какой серьёзной поддержке со стороны малолетнего великого князя говорить не приходится. Тем не менее волоколамские постриженники и в этот период не только сохранили, но и укрепили свои позиции.

В поисках ресурса, обеспечивавшего длительное преобладание Иосифо-Волоколамского монастыря, обратимся к челобитной епископа Леонида, в которой чувствуется «ностальгия» по прежним временам его бывшего могущества. Автор челобитной приводит имена тех, на ком собственно его влияние и держалось – воспитанников, ставших архиереями: Даниила (1522–1539 гг. – Московская

¹¹ О них подробнее см.: *Тихомиров М.Н.* Монастырь-вотчинник XVI в. // ИЗ. Т. 3. М., 1938. С. 130–160.

¹² Об экономических возможностях Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей см.: *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV–XVII веков. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси. Пермь, 1927; *Дмитриева З.В.* Вытныи и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003.

¹³ Как отметил А.А. Зимин, Иосифо-Волоколамский монастырь даже в период своего расцвета не смог обзавестись земельными владениями, сопоставимыми с землями Троицы. Если последняя в данный период располагала примерно 143 тыс. четвертей пашенной земли (в одном поле), то Волоколамская обитель – лишь примерно 36 тыс. (см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 186). Об экономических возможностях Троицы подробнее см.: *Черкасова М.С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996; *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVII в.: вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009.

¹⁴ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 115–118.

кафедра); Феодосия (1542–1550 гг. – Новгородская); Вассиана (Санина) (1506–1515 гг. – Ростовская); Акакия (1522–1567 гг. – Тверская); Саввы (Слепушкина) (1536–1538 гг. – Смоленская); Гурия (Заболоцкого) (1539–1555 гг. – Смоленская); Трифона (Ступишина) (1549–1551 гг. – Суздальская, в 1563–1566 гг. – Полоцкая); Вассиана (Топоркова) (1525–1542 гг. – Коломенская); Саввы Чёрного (1544–1554 гг. – Крутицкая); Нифонта (Кормилицына) (1554–1558 гг. – Крутицкая); Галактиона (1565–1568 гг. – Крутицкая); Симеона (1581–1582 гг. – Крутицкая); Гурия (Руготина) (1555–1563 гг. – Казанская); Германа (Садырева-Полева) (1564–1567 гг. – Казанская); Лаврентия (1568–1574 гг. – Казанская); Тихона (Хворостина) (1575–1576 гг. – Казанская); Иеремии (1576–1581 гг. – Казанская). К этому перечню следует прибавить и самого Леонида, занимавшего Рязанскую кафедру в 1573–1585 гг.¹⁵

Нетрудно подсчитать, что в XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря вышли 18 архиереев (Трифон (Ступишин) ставился на кафедру дважды). Вряд ли стоит сомневаться в том, что этими именами перечень лиц, обеспечивающих «волоколамскую гегемонию» в Русской Церкви, не исчерпывается. Леонид перечислил лишь архиереев. Однако известно, что из стен обители Иосифа выходили и настоятели монастырей, а также рядовые иноки¹⁶. К числу волоколамских иноков, ставших настоятелями, можно отнести Герасима (Замыцкого) – архимандрита Симонова монастыря в 1520–1526 гг., Вассиана Кошку – архимандрита Возмицкого монастыря в конце 1540-х – начале 1560-х гг.¹⁷, Алексея (Ступишина), являвшегося архимандритом Симонова монастыря в 1550–1555 гг., Пимена (Садыкова), настоятеля Николо-Угрешского монастыря в 1561–1571 гг., а также Гурия (Ступишина), ставшего строителем костромского Ипатьевского монастыря в 1585–1598 гг. Из старцев Иосифо-Волоколамского монастыря вышел и игумен Саввино-Сторожевского монастыря Каллист (1505–1507 гг.). Известно, что позднее он вернулся в Волоколамскую обитель и до конца жизни (1516 г.) оставался её соборным старцем.

Из Иосифо-Волоколамского монастыря вышел и игумен Селижарова монастыря Феогност (Руготин) (точное время его настоятельства неизвестно)¹⁸. Он принадлежал к тесно связанному с обителью Иосифа небогатому роду служилых людей¹⁹. С Иосифо-Волоколамским монастырём связано начало церковной карьеры Исаака Сумина – ученика Епифания (Ленкова).

¹⁵ В литературе к числу иосифлян относят и поставленного на Суздальскую кафедру из архимандритов Спасо-Андронникова монастыря Симеона (Стремоухова) (1509–1515 гг.) (*Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 282; *Алексеев А.И. и др.* Указ. соч. С. 95). Однако отсутствие упоминания имени этого суздальского владыки в перечне Леонида (Протасова) побуждает осторожно отнестись к этому мнению. Связь Симеона с Волоколамской обителью и лично с Иосифом Волоцким несомненна. Однако это ещё прямо не указывает на то, что Симеон – воспитанник данной обители.

¹⁶ Их выявление существенно облегчает подготовленный Т. Дайкстра перечень волоколамских иноков 1479–1607 гг. (*Дайкстра Т.* Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // *Именослов. Историческая семантика имени.* Вып. 2. М., 2007. С. 238–298).

¹⁷ Справочник П.М. Строева не содержит сведений о точном времени его пребывания в этой обители. Источником соответствующих сведений выступают иные данные. Подробнее см.: *Кузьмин А.В.* Вассиан Кошка // *ПЭ.* Т. 7. М., 2004. С. 265–266.

¹⁸ Исхода из имеющихся в нашем распоряжении данных об игуменах этой обители, можно предполагать, что время настоятельства в ней Феогноста относится либо к периоду между 1534–1551 гг., либо ко времени между 1555–1573 гг.

¹⁹ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 155–156 (о Феогносте см.: с. 156, примеч. 307).

Известна переписанная им рукопись — сборник, датируемый второй четвертью XVI в.²⁰ Учитывая то, что рукопись упомянута в Описи книг Волоколамской обители 1545 г.²¹, Исаак принял в ней постриг не позднее этой даты. Судя по всему, в 1550—1560-х гг. он перебрался в московский Симонов монастырь²², где сблизился с его настоятелем Филофеем (1561—1562 гг.). После поставления Филофея на Рязанскую кафедру (1562 г.) в Рязань уехал и Исаак, ставший казначеем рязанского владыки, а позднее (в 1568/69 г.) архимандритом рязанского Солотчинского монастыря²³. Последний он возглавлял по крайней мере до апреля 1570 г.²⁴

В связь с данным перечнем поставим и то, что архиереи из числа волоколамских постриженников, как правило, ставились на кафедры не сразу, а после некоторого времени настоятельства в той или иной обители, где они набирались опыта церковного управления. Вассиан (Санин) до поставления на Ростовскую кафедру являлся архимандритом Симонова монастыря (1502—1506 гг.), Вассиан (Топорков) до занятия Коломенской кафедры — игуменом Николо-Пешношского монастыря (1515 г.). Гурий (Заболоцкий) до Смоленской кафедры также какое-то время был настоятелем этой обители (не позднее 1539 г.), как и будущий суздальский владыка Трифон (Ступишин) (1542—1544 гг.), затем ставший архимандритом Симонова монастыря (1544—1549 гг.). Гурий (Руготин) после пребывания в игуменах Иосифо-Волоколамского монастыря до занятия Казанской кафедры успел побывать игуменом Селижарова монастыря (1551—1555 гг.). Германа (Садырева-Полева) на Казанскую кафедру поставили из архимандритов свияжского Богородицкого монастыря (1555—1564 гг.). Нифонт (Кормилицын) после пребывания в игуменах Волоколамской обители до своего поставления на Крутицкую кафедру некоторое время был настоятелем Новоспасского монастыря (1543—1554 гг.). Другой волоколамский игумен — Галактион — повторил путь Нифонта: от настоятеля Иосифо-Волоколамского монастыря до архимандрита Новоспасского монастыря (1558—1565 гг.) и крутицкого владыки. Иеремию поставили на Казанскую кафедру из архимандритов казанского Спасо-Преображенского монастыря (1567—1576 гг.) (ранее — в 1564—1565 гг. — архимандрит свияжского Богородичного монастыря). Акакия на Тверскую кафедру возвели из архимандритов Возмицкого монастыря (между 1517 и 1522 гг.). Феодосий до поставления на Новгородскую кафедру был игуменом Спасо-Хутынского монастыря (1531—1542 гг.). Савва Чёрный до

²⁰ Отдел рукописей Государственного исторического музея (далее — ОР ГИМ), Епархиальное собрание, № 350. Цит. по: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ / Сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина, И.В. Поздеева // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 364—365.

²¹ Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь... С. 32.

²² Вероятнее всего, Исаак перешёл в Симонов между 1544 и 1555 гг. В это время архимандритами Симонова являлись волоколамские постриженники — братья Ступишины: Трифон (1544—1549 гг.) и Алексей (1550—1555 гг.).

²³ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. А.И. Алексеев // Вестник церковной истории (далее — ВЦИ). 2006. № 3. С. 51.

²⁴ См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 976—977 (№ 216); *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века // РД. Вып. 6. М., 2000. С. 272 (№ 130). Возможно, именно об Исааке Сумине идёт речь в синодике опальных, где записан не названный по имени архимандрит Солотчинского монастыря (об этом см.: *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 88—89; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 399—400).

поставления на Крутицкую кафедру являлся архимандритом Симонова монастыря (1543–1544 гг.)²⁵.

Нетрудно заметить, что в XVI в. «волоколамская гегемония» определялась не только пребыванием 18 выходцев из этой обители на владычных кафедрах, но и службой ряда постриженников в роли настоятелей, по крайней мере в 11 монастырях (Симонов, Новоспасский, Возмицкий, Николо-Угрешский, Николо-Пешношский, Спасо-Хутынский, казанский Спасо-Преображенский, свияжский Богородичный, Селижаров, Савинно-Сторожевский, Солотчинский), не считая, конечно, самого Иосифо-Волоколамского. Основная их часть располагалась либо в столице, либо неподалёку от неё.

Однако этот перечень не полон. Известны имена далеко не всех игуменов – выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря²⁶. Важно также помнить, что архиереями и настоятелями обителей перечень выходцев из волоколамского монастыря не ограничивался. Есть веские основания полагать, что вместе с волоколамскими иноками, становившимися архиереями и игуменами, стены монастыря покидали и простые иноки. Благодаря палеографическим наблюдениям Б.М. Клосса установлено, что Даниил в свою бытность митрополитом не только поддерживал связи с ранее возглавляемой им Волоколамской обителью, но и привлекал к книгописным работам выходцев из неё²⁷. Известно, что в этот период в столице некоторое время жили известные волоколамские иноки – брат коломенского владыки Вассиана Досифей (Топорков) и ученик одного из основателей Иосифо-Волоколамского монастыря Кассиана Босого Иона Голова.

Судя по всему, отправляясь в ту или иную обитель или на кафедру, волоколамские постриженники брали с собой и других иноков (в ряде случаев, вероятно, речь могла идти о близких к ним лицах). На это указывает запись на рукописи, переписанной по поручению игумена Николо-Угрешского монастыря Пимена (Садыкова) (1561–1571 гг.). Он являлся выходцем из Иосифо-Волоколамского монастыря и некоторое время был его настоятелем (в 1558–1561 гг.). Речь идёт о толковом Апостоле 1570 г., по заказу Пимена переписанном «клириком Симеоном Голыгина, постриженником Иосифова монастыря»²⁸. Учитывая прошлое Пимена, трудно сомневаться в том, что появление Симеона (Голыгина) в Угрешской обители связано с переходом в неё волоколамского игумена.

²⁵ Наиболее полный (хотя и не исчерпывающий) перечень руководителей Русской Церкви – волоколамских иноков и близких к ним лиц см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 305–310. Историк к числу иосифлян причисляет и лиц, по его мнению, к ним близких. Эти имена в настоящей статье не приводятся.

²⁶ Согласно описям книг Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в., в нём хранились либо вложенные, либо каким-то иным образом попавшие в обитель рукописи настоятелей монастырей: калязинского игумена Иоасафа Телицы, игуменов тверского Саввина монастыря Ефрема и Иоасафа, архимандрита неназванного монастыря Филофея, игумена Черленковского монастыря Игнатия, игумена Селижарова монастыря Маркела, игумена волоколамского Ильинского монастыря Гавриила, игумена Николо-Пешношского монастыря Никона, игумена Борисоглебского монастыря Филофея, спиловского игумена Афанасия Волочанина, игумена Изосиминского монастыря Афанасия (Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь... С. 24–99). Конечно, нельзя утверждать, что все они выходцы из Волоколамской обители. Однако нельзя не заметить, что речь, как правило, шла либо о находящихся неподалёку от Волоколамска монастырях (Ильинский, Черленский), либо об обителях, в XVI в. тесно связанных с Иосифо-Волоколамским монастырём (*Кавельмахер В.В.* Никольская церковь в селе Черленкове (неизвестная постройка «осифовских старцев» середины XVI в.) // *Материалы творческого отчёта треста «Мособлстройреставрация»*. М., 1984. С. 69–72).

²⁷ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 81–87.

²⁸ ОР ГИМ, Епархиальное собрание, № 442, л. 775 об.–776.

Выходец из Волоколамской обители Гурий (Руготин) в 1555 г. отправился в Казань в сопровождении спутников. Точно известно, что среди них был волоколамский старец Герасим (Ленков) (последнего Иван IV в Казань послал «на время»)²⁹. Вероятно, вскоре к Гурию присоединились и другие волоколамские иноки, в частности Герман (Садырев-Полев), ставший архимандритом свияжского Богородичного монастыря. Спустя какое-то время в Казанскую епархию переселился Иеремия. Он сначала стал архимандритом свияжского Богородичного (1564–1565 гг.), а потом настоятелем казанского Спасо-Преображенского монастыря (1567–1576 гг.)³⁰. С Гурием в Казань отправился и волоколамский инок Исая (Ртищев), ставший казначеем казанского владыки³¹.

Неполнота представленных мною сведений о выходцах из Иосифо-Волоколамского монастыря очевидна. Тем не менее даже столь отрывочных данных достаточно, чтобы заключить, что речь шла, по крайней мере, о многих десятках волоколамских иноков, покинувших обитель Иосифа, но сохранивших связь как с ней, так и друг с другом³². Даже вернувшись «на покой» в родную обитель и, казалось бы, полностью устранившись от активной деятельности, они продолжали формировать и поддерживать среду, воспитывающую будущих руководителей Русской Церкви³³. Именно они и обеспечивали «волоколамскую гегемонию» в ней в XVI в.

Рассматривая Иосифо-Волоколамский монастырь как «кузницу» будущих настоятелей и архиереев, исключительно важно зафиксировать следующее: далеко не все даже самые активные иноки могли³⁴ и, вероятно,

²⁹ *Зимин А.А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 20.

³⁰ Об особой близости иноков Иосифо-Волоколамского монастыря к Казанской кафедре см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 306–307; *Липаков Е.В.* Иосифо-Волоцкий монастырь и Казанская епархия во второй половине XVI века // Преподобный Иосиф и его обитель: Материалы научно-практической конференции, посвящённой пятилетию обретения святых мощей преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма – Успенского собора – и 80-летию со дня рождения митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М., 2008. С. 62–66.

³¹ О нём подробнее см.: *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 273.

³² Об Иосифо-Волоколамском монастыре как о «воспитательном учреждении с характером современной школы», которое готовило иноков, действовавших «как один человек», см.: *Жмакин В.И.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 115–120. О сплочённости волоколамских иноков, спаянных отношениями учеников и учителей, также см.: *Dykstra T.E.* Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. München, 2006. P. 139–143.

³³ Наиболее показательным примером такой «связи поколений» может служить судьба Феодосия и его учеников. В 1531 г. из иноков Иосифо-Волоколамского монастыря он поставлен игуменом новгородского Спасо-Хутынского монастыря, а в 1542 г. занял Новгородскую кафедру. В 1550 г. по не вполне понятным причинам он её покинул и вернулся в Волоколамскую обитель. Здесь он и жил до своей кончины в 1563 г. За эти годы Феодосий подготовил двух учеников – будущего игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Евфимия (Туркова) (1575–1587 гг.) и будущего казанского архиепископа Иеремию (1576–1581 гг.). О Феодосии см.: *Смирнова Д.Д.* Новгородский архиепископ Феодосий – видный постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (224). С. 66–74.

³⁴ Например, один из самых известных соборных старцев Иосифо-Волоколамского монастыря Герасим (Ленков) после посвящения Даниила на Московскую кафедру в 1522 г. лишь на несколько месяцев стал игуменом, уступив это место Нифонту (Кормилищину). Учитывая то, что Герасим продолжал проживать в Волоколамской обители ещё 37 лет (до 1559 г.), можно думать, что его уход с игуменства конфликтом с братией, скорее всего, не сопровождался (*Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 260).

хотели³⁵ возглавлять монастыри или кафедры. Судя по всему, лишь очень небольшая часть от общего числа насельников даже такого влиятельного монастыря, как Иосифо-Волоколамский, заняла руководящие позиции в Русской Церкви. Нами приведены сведения о 26 его воспитанниках. Этот перечень не исчерпывающий, однако и его достаточно, чтобы понять, что отбор прошли лишь несколько процентов иноков³⁶. В 1479–1607 гг. в волоколамской обители проживало от 450 до 600 иноков³⁷.

В связи с вышесказанным поставим общеизвестный факт: в нормах канонического права существовали определённые требования, предъявляемые к кандидатам на занятие кафедры или место настоятеля в той или иной обители. К их числу наряду с наличием соответствующей подготовки и опыта относились и возрастные ограничения. Общеизвестно, что посвящение в священнический сан должно было происходить по достижении 30 лет. Очевидно, что занятие кафедры или места настоятеля требовало более солидного возраста³⁸. Имеющаяся в нашем распоряжении источниковая база не позволяет ответить на вопрос о том, в какой мере эти требования соблюдались, поскольку возраст подавляющего большинства игуменов и архиереев неизвестен. Вместе с тем даже отрывочные сведения источников дают основания полагать, что ранее определённого возраста, как правило, игуменами и тем более архиереями не становились.

Обратим внимание на любопытный фрагмент Жития Евфимия Суздальского. Оно составлено в XVI в. иноком суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Григорием, хорошо знакомым с церковной практикой того времени. Повествуя о реалиях XIV в., работавший два столетия спустя автор Жития подчёркивает, что Евфимия поставили игуменом суздальского Спасского монастыря в 36-летнем возрасте. Как следует из текста Жития, подобный возраст для игумена выглядел исключительным. Стремясь согласовать столь ранний

³⁵ Самый известный книжник обители Иосифа первой половины XVI в. – Досифей (Топорков), племянник самого Иосифа и ростовского владыки Вассиана, брат коломенского епископа Вассиана, предпочёл руководству монастырём или кафедрой занятия писательской деятельностью (*Кузьмин А. В., Макарий (Веретенников)*. Вассиан (Топорков) // ПЭ. Т. 7. С. 258–259). Не стали игуменом, но архиереем и едва ли не самый авторитетный волоколамский иннок первой трети XVI в. Кассиан Босой (*Усачев А. С.* Волоколамский иннок Кассиан Босой (ок. 1439–1532 гг.) и его современники // ДРВМ. 2012. № 2(48). С. 61–74). Судя по всему, не стремился к высшим постам в церковной иерархии и другой известный волоколамский книжник – Евфимий (Турков). Из его духовной известно, что он стал настоятелем Волоколамской обители лишь под давлением Ивана IV и монастырской братии. Не занимал высоких мест в церковной иерархии и известный книжник Фотий, сосредоточивший свои усилия на книгописной деятельности и подготовке учеников. В то же время нельзя не заметить, что их деятельность, не связанная напрямую с церковным управлением, также способствовала укреплению позиций Иосифо-Волоколамского монастыря. Например, Фотий был наставником будущего настоятеля Возмицкого монастыря Вассиана Кошки, писательская деятельность Досифея (Топоркова) вышла далеко за пределы обители, а авторитет Кассиана, крестившего так долго ожидаемого наследника престола (Ивана IV), на долгие годы связал обитель Иосифа с великокняжеским семейством.

³⁶ Это связано с общеизвестным фактом: значительную часть постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря составляли лица, принявшие постриг уже в очень зрелом (по меркам Средневековья) возрасте. Очевидно, что далеко не все из них могли пройти многолетнюю подготовку, без которой была немыслима церковная карьера.

³⁷ Т. Дайкстра говорит о 450 «беспорных» иноках волоколамской обители (*Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 241, примеч. 10). В более ранней работе историк приводил иную цифру – 438 «беспорных» иноков. Согласно его подсчётам, ещё 155 лиц могли быть монахами этого монастыря (*Dykstra T.E.* Op. cit. P. 120–121).

³⁸ *Бондач А. Г., Желтов М., Ткаченко А. А.* Епископ // ПЭ. Т. 18. М., 2008. С. 511, 515–516.

возраст с поставлением в настоятели обители, агиограф перечисляет достоинства Евфимия: «Еще телесным възрастомъ млад сын, но духовною мудростию превзыде многолетних сединъ, яко леть 36 тъгда сын бысть»³⁹. Исходя из текста Жития можно предположить, что в современную агиографу эпоху настоятели обителей иноки становились в более зрелом возрасте. Вероятно, с весьма почтенным возрастом⁴⁰ игуменов и архиереев и стоит связывать непродолжительность пребывания их на кафедрах: по истечении небольшого времени архиереи либо умирали, либо уходили «за немощью» на покой⁴¹. Сходным образом дело обстояло и с настоятелями⁴².

Закономерен вопрос: какой период был необходим для подготовки кандидата на руководство обителью или кафедрой? Обратимся к фактам биографии некоторых волоколамских иноков и близких к ним лиц. Наставник Иосифа Волоцкого Пафнутий Боровский принял постриг в 20-летнем возрасте и спустя 20 лет стал настоятелем⁴³. Иосиф Волоцкий (род. 1439 г.) стал игуменом боровской обители сразу после смерти Пафнутия (1477 г.), т.е. примерно в возрасте 38 лет. Судя по тексту Жития, постриг он принял примерно в 20-летнем возрасте. Следовательно, на момент поставления в игумены его монастырский «стаж» составлял 18 лет⁴⁴. Несмотря на то что возраст брата Иосифа – Вассиана – точно неизвестен, можно утверждать, что он стал архимандритом Симонова монастыря (1502 г.), а затем и ростовским владыкой (1506 г.), имея уже достаточно длительный опыт монастырской жизни. Известно, что он принял постриг в боровском монастыре ещё при жизни Пафнутия. Таким образом, он стал настоятелем, имея за своими плечами по меньшей мере 25-летний стаж монастырской жизни. Как отметил Дайкстра, до поставления в игумены Саввино-Сторожеского монастыря в 1505 г. Каллист с 1479 г. являлся волоколамским старцем. Как видим, к моменту поставления в игумены он располагал уже не менее чем 26-летним монастырским опытом⁴⁵. Судя по всему, принявший постриг в конце XV в. в Пафнутьево-Боровском монастыре Макарий (род. ок. 1482 г.) стал настоятелем Лужецкого монастыря примерно в 40 лет (в 1522 г.). Новгородскую кафедру он занял примерно в 44 года (в 1526 г.), а Московскую – в 60-летнем возрасте (в 1542 г.). Акакий (род. 1482 г.) стал настоятелем между 1517 и 1522 гг.⁴⁶, т.е. в возрасте 35–40 лет. Тверскую кафедру он за-

³⁹ *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 359.

⁴⁰ Достижение очень преклонного возраста даже в монастырской среде в данный период – нечастое явление (*Усачев А.С.* «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // *ДРВМ.* 2014. № 1 (55). С. 58–68).

⁴¹ На факт широкого распространения практики ухода архиереев с кафедр указывает появление не позднее XV в. особого формуляра отреченных грамот. Их, правда, сохранилось немного. Перечень ряда ушедших за «немощью» архиереев в XVI в. см.: *Усачев А.С.* Был ли конфликт Ивана IV с Рязанской кафедрой в 1569 г.? // *Российская история.* 2016. № 5. С. 74–75.

⁴² На то, что уход игуменов вполне обычен для России XVI в., указывает то, что в Симонове монастыре в 1568 г. проживало сразу 6 бывших игуменов разных обителей (Акты феодального землевладения и хозяйства. Л., 1983. № 171. С. 219–220).

⁴³ *Кадлубовский А.П.* Указ. соч. С. 119–120.

⁴⁴ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным: по двум рукописям Собрания П.А. Овчинникова // *ЧОИДР.* 1903. Кн. 3. С. 14, 17; Житие и пребывание въкратце преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламскаго // *Великие Минеи-Четьи.* Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 459.

⁴⁵ *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 273.

⁴⁶ *Строев И.М.* Указ. соч. Стб. 247.

нял в 40-летнем возрасте (в 1522 г.). Феодосий (род. ок. 1490 г.), приняв постриг, возможно, ещё при жизни Иосифа (т.е. не позднее 1515 г.)⁴⁷, стал настоятелем Спасо-Хутынского монастыря примерно в 41 год (в 1531 г.), а Новгородскую кафедру занял в возрасте около 52 лет (1542 г.). Точный возраст поставленного в 1536 г. на Смоленскую кафедру Саввы (Слепушкина) неизвестен. Однако первое известное его упоминание в качестве келаря в волоколамских источниках относится к 1516 г.⁴⁸ Таким образом, к моменту хиротонии иноческий «стаж» Саввы по самым скромным подсчётам составлял не менее 20 лет. Вероятно, его монашеский «стаж» более солиден: трудно представить, чтобы келарем стал молодой монах.

Точный возраст Гурия (Заболоцкого) к моменту занятия им Смоленской кафедры (1538 г.) также не установлен. В источниках он (в ту пору светское лицо) упоминается с 1504 г.: в относящейся к этому времени грамоте он вместе со старшим братом Иваном отмечен как владелец села и деревень в Дмитровском уезде. Хотя его точный возраст в момент составления документа неизвестен, можно думать, что ребёнком он уже не был. Являвшийся по некоторым данным около 1526–1528 гг. настоятелем Симонова монастыря Гурий с конца 1520-х гг. до поставления на Смоленскую кафедру был уже игуменом Николо-Песношского монастыря⁴⁹. Ко второй половине 1520-х гг. он уже располагал более или менее значительным опытом монастырской жизни.

Несмотря на то, что дата пострига Трифона (Ступишина) неизвестна, есть основания полагать, что до поставления на Суздальскую кафедру (1549 г.) он не менее 16 лет являлся иноком Волоколамской обители. Первое известное упоминание о нём относится к 1533 г. Важно отметить, что в купчей он упомянут вместе с наиболее авторитетными волоколамскими иноками (келарем Саввой (Слепушкиным), ставшим вскоре смоленским владыкой, и с Саввой Чёрным, занявшим позднее Крутицкую кафедру)⁵⁰. Не приходится сомневаться в том, что в 1533 г. Трифон — уже один из самых авторитетных иноков, имеющий за своими плечами немалый опыт. Брат Трифона — будущий архимандрит Симонова монастыря (1550–1555 гг.) Алексей (Ступишин) — в качестве инока Волоколамской обители известен в 1540–1550 гг.⁵¹ Однако в актах он начинает фиксироваться уже как опытный инок, располагающий необходимым опытом и «стажем». То же самое можно отнести и к Савве Чёрному. Он впервые упомянут под 1533 г. среди наиболее авторитетных старцев, совершающих сделку от имени монастыря⁵². Его поставление в настоятели Симонова монастыря состоялось спустя ещё 10 лет — в 1543 г.

Дата пострига Гурия (Руготина) (род. ок. 1495 г.) неизвестна (информация ряда источников о его пострижении ещё при жизни Иосифа Волоцкого (ум. 1515 г.), по-видимому, неточна)⁵³. Однако очевидно, что игуменом Иосифо-Волоколам-

⁴⁷ Подробное см.: *Пономаренко О.Н.* О времени пострижения Феодосия Новгородского // *Очерки феодальной России.* Вып. 11. М.; СПб., 2007. С. 264–272.

⁴⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее — АФЗХ). Ч. 2. М., 1956. № 72. С. 70; *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 285.

⁴⁹ *Кузьмин А.В., Макарий (Веретенников).* Гурий (Черлёного Заболоцкий Григорий Петрович) // ПЭ. Т. 13. М., 2006. С. 483–484.

⁵⁰ АФЗХ. Ч. 2. № 124. С. 116.

⁵¹ *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 250.

⁵² АФЗХ. Ч. 2. № 124. С. 116; *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 285.

⁵³ Из энциклопедической статьи следует, что Гурий принял постриг через несколько лет после смерти Иосифа. См.: *Липаков Е.В., Чугреева Н.Н.* Гурий (Руготин) // ПЭ. Т. 13. С. 464–465.

ского монастыря (1542/43 г.) он стал в достаточно зрелом возрасте — примерно в 47–48 лет. Казанскую кафедру (1555 г.) он занял в возрасте примерно 60 лет. Точный возраст поставления в игумены Николо-Угрешского монастыря ок. 1571–1572 гг. будущего казанского владыки Тихона (Хворостина) неизвестен. Источники фиксируют его активное участие в хозяйственной деятельности монастыря с 1558–1559 гг.⁵⁴ Не приходится сомневаться, что к этому времени Тихон — опытный и достаточно авторитетный старец. На это же указывает и то, что не позднее 1562 г. он упоминается как соборный старец⁵⁵. Судя по косвенным данным, к 1568–1569 гг. Тихон находился в очень зрелом возрасте: в данной его братьев Иосифо-Волоколамскому монастырю отмечается обязанность монастырских властей после его кончины внести его имя в монастырский синодик⁵⁶. Исаак Сумин, ставший в 1568/69 г. архимандритом рязанского Солотчинского монастыря, к этому времени являлся иноком уже не менее 23–24 лет, приняв постриг не позднее 1545 г. Немалый «стаж» до того, как стал игуменом Волоколамской обители, имел Евфимий (Турков). Он принял постриг в этой обители в 1551 г., а её настоятелем стал 24 года спустя — в 1575 г.⁵⁷ Впрочем, в качестве достойного кандидата на этот пост его рассматривали немного ранее — по крайней мере, с 1573 г. Ставший в 1585 г. строителем костромского Ипатьевского монастыря Гурий (Ступишин) в качестве волоколамского инока упоминается с 1566 г.⁵⁸, следовательно, к 1585 г. он имел не менее чем 19-летний опыт жизни в монастыре.

Очевидное исключение в этом ряду — митрополит Даниил, родившийся, вероятно, в начале 1490-х гг. Настоятелем Волоколамской обители он стал, судя по всему, в очень раннем возрасте — в начале 1510-х гг.⁵⁹ Согласно запискам С. Герберштейна, побывавшего в России в 1526 г., Даниил был «около тридцати лет отроду»⁶⁰. Комментируя это сообщение Герберштейна, А.И. Плигузов, исходя из канонических ограничений на поставление в священники (их нельзя было поставлять ранее 30 лет), предположил, что Даниилу в 1526 г. исполнилось около 45 лет⁶¹. Впрочем, в случае с Даниилом, пользовавшимся покровительством великого князя, правила могли быть и нарушены. На это косвенно указывает и то, что в послании к Василию III, написанном незадолго до смерти, Иосиф Волоцкий (ум. 1515 г.) среди своих возможных преемников Даниила не упомянул⁶². Можно полагать, что это связано с его молодостью и недостатком необходимого опыта.

Как следует из приведённого материала, для поставления в игумены и тем более в архиереи требовался значительный «стаж» монашеской жизни — около двух десятилетий⁶³. Случаи архиерейских хиротоний ранее 40-летнего возраста нам также неизвестны (вероятное исключение — Даниил). Сказанное хорошо

⁵⁴ АФЗХ. Ч. 2. № 275. С. 283; *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 290.

⁵⁵ АФЗХ. Ч. 2. № 295. С. 303.

⁵⁶ Там же. № 342. С. 360.

⁵⁷ *Клосс Б.М., Кузьмин А.В.* Евфимий (Турков) // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 420.

⁵⁸ *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 262.

⁵⁹ *Макарий (Веретенников), Турилов А.А., Флоря Б.Н.* Даниил [митрополит Московский и всея Руси] // ПЭ. М., 2006. Т. 14. М., 2006. С. 66.

⁶⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 149.

⁶¹ Там же. Т. 2. М., 2008. С. 365.

⁶² *Послания Иосифа Волоцкого.* М.; Л., 1959. С. 239–240.

⁶³ Важно отметить, что примерно об одном «стаже» говорят как приведённые выше житийные источники, авторов которых можно заподозрить в стремлении сомкнуть церковную практику с каноном, так и хозяйственные документы.

согласуется с датами начала церковной карьеры выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря, основанного в 1479 г. Занятие руководящих постов в Русской Церкви представителями первого поколения волоколамских иноков относится к периоду не ранее начала XVI в.: Вассиан (Санин) архимандритом Симоновской обители стал в 1502 г., а Каллист игуменом Саввина-Сторожевского монастыря – в 1505 г. Как нетрудно заметить, эти позиции они заняли после получения более чем 20-летнего опыта монастырской жизни. На наличие в Иосифо-Волоколамском монастыре в начале XVI в. достаточного числа кандидатов, могущих возглавить обитель, указывает послание Иосифа Волоцкого Василию III. В нём основатель приводит перечень из десяти соборных старцев, рассматриваемых им как достойные преемники⁶⁴.

Поставление в игумены и архиереи основной части волоколамских иноков следующего поколения относится уже к 1520-м гг. Конечно, их карьерный рост во многом связан с поставлением на Московскую кафедру волоколамского игумена Даниила (1522 г.), имевшего возможность влиять на подбор кандидатов для поставлений на кафедры. Но не стоит забывать и о другом: кандидаты на замещение кафедр, пришедшие в Волоколамскую обитель в конце XV – начале XVI в., к 1520-м гг. уже получили необходимый опыт.

Сказанное побуждает думать, что людские ресурсы Иосифо-Волоколамского (как и любого другого) монастыря были ограничены. Во-первых, требовалось отобрать способных к церковной карьере иноков (речь шла об очень незначительной части от общего числа насельников). Во-вторых, требовался продолжительный период для их подготовки. Иосифо-Волоколамский монастырь в 1480–1560-х гг. успешно справлялся с этими задачами. Однако, как нетрудно заметить по числу поставлений на кафедры, а также упоминаниям волоколамских иноков в роли настоятелей монастырей, в 1570–1580-х гг. их поток начал иссякать. Неизбежно встает вопрос: что же произошло?

В конце 1550-х – 1560-е гг. скончались так или иначе связанные с Иосифо-Волоколамским монастырём иерархи, вступившие в активную церковную жизнь в 1520–1530-е гг.: крутицкий владыка Нифонт (Кормилицын) (1558 г.), митрополит Макарий, казанский архиепископ Гурий (Руготин), находящийся на покое новгородский архиепископ Феодосий (все трое умерли в 1563 г.), тверской владыка Акакий (1567 г.), казанский архиепископ Герман (Садырев-Полев) (1567 г.), крутицкий владыка Галактион (1568 г.)⁶⁵. Закономерен вопрос: а почему их место в конце 1560-х – 1570-х гг. не заняло следующее поколение волоколамских постриженников?

На мой взгляд, исчерпывающий ответ на этот вопрос содержат записи опубликованного А.А. Зиминым Летописца Иосифо-Волоколамского монастыря. В нём сообщается, что в 1568/69 г. в Москве и иных городах «мор был велик»; «в Иосифе монастыре преставились 53 браты да слуг и детей и шьвалей много вымерло». Ещё более разрушительная волна мора накрыла обитель в 1570/71 г. Как повествует Летописец, «лета 7079 мор был добре велик, в Осифе монастыре преставилося 74 браты, а миряня, слугы и дети и мастера, все вымерли, и села все пусты, отчясти ся что остало. А починали мерети с Ълиина дни да до Николина

⁶⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 239–240.

⁶⁵ Нечто подобное происходило и в сфере культуры. В эти же годы умерли или отошли от дел писатели, олицетворявшие древнерусскую книжность времени митрополита Макария (см.: Усачев А.С. Некоторые размышления о верхней хронологической границе эпохи митрополита Макария в истории древнерусской книжности // ДРВМ. 2013. № 3(53). С. 136–137).

дни осеннего»⁶⁶. Таким образом, в Волоколамской обители за 2–3 года скончалось 127 монахов⁶⁷, а также значительное число монастырских слуг и крестьян. Зададимся вопросом: 127 иноков для такой обители, как Волоколамская, в XVI в. — это много или мало?

Согласно имеющимся в распоряжении А.А. Зимина сведениям, почерпнутым из хозяйственных документов монастыря, в 1578/79 г. (т.е. через 8–10 лет после мора) численность братии составляла 130 человек, в 1598/99 г.— 97, в октябре 1601 г.— 140, в 1603/04 г.— 110 человек. В целом, согласно Зимину, численность братии Волоколамской обители к концу XVI в. составляла «несколько более 100 человек»⁶⁸. Приведём некоторые сравнительные данные. В крупнейшем монастыре России XVI в. — Троице-Сергиевом — согласно данным ряда иностранных источников (вероятно, несколько завышенным), в 1560–1570-е гг. проживали от 200 до 350 иноков. Завещание троицкого старца Варсонофия (Якимова) (1595 г.) указывает более определённое число: «Ныне у Троицы двести двадцать братьев». Согласно подсчётам С.В. Николаевой, к концу XV в. численность троицкой братии возросла со 100 до 150 и к концу XVI в. достигла 220 человек. По мнению исследовательницы, одновременно в Троице в XVI в. проживало несколько более 200 иноков⁶⁹.

Сопоставима с Троицей численность другой крупнейшей обители — Кирилло-Белозерского монастыря. К 1601 г., по подсчётам З.В. Дмитриевой, она составляла 184 инока⁷⁰. В Соловецком монастыре, как сообщает запись на Псалтыри 1545 г., «братии же тогда бе числом 136»⁷¹. «Устав о монастырском платье» 1553 г. приводит более скромную цифру — 107 соловецких иноков⁷². В относительно небольших монастырях численность братии была существенно ниже. Как показала И.Н. Шамина, в XVI–XVII вв. число насельников вологодских монастырей — далеко не самых крупных (мелких и средних) — составляло от 20–25 монахов (Николо-Озерский монастырь) до 61 (Павлов-Обнорский монастырь)⁷³.

«Молодой» по отношению к другим крупнейшим русским обителям (Чудову, Симонову, Троице-Сергиеву, Кирилло-Белозерскому) Иосифо-Волоколамский монастырь занимал сравнительно невысокое положение в церковной иерархии. Однако, учитывая весьма значительное влияние его постриженников,

⁶⁶ Зимин А.А. Краткие летописцы... С. 21, 22.

⁶⁷ Зимин, обратив внимание на это известие, связал его также с возможными потерями в связи с походом крымского хана на Москву (1571 г.) и счёл возможным говорить об общей убыли иноков в 300 человек (см.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 154). Данная цифра представляется сильно завышенной.

⁶⁸ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 153–154.

⁶⁹ Николаева С.В. Указ. соч. С. 87, 88, 98; Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1892. С. 132–133.

⁷⁰ Дмитриева З.В. Памяти келарей Кирилло-Белозерского монастыря «о поминках и запахах»: 1560–1630-е гг. // ВЦИ. 2014. № 1–2. С. 5–6.

⁷¹ ОР РНБ, ф. 717 (Соловецкое собрание), № 766/876, л. 254.

⁷² Лобакова И.А. «Устав о монастырском платье» 1553 г. — один из неучтённых источников по истории Соловецкого монастыря времён игуменства Филиппа (Колычева) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 324. Наиболее полный перечень соловецких иноков XVI в. см.: Крушельницкая Е.В., Тутова Т.А. Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. С. 3–145.

⁷³ Шамина И.Н. Из истории вологодских монастырей XVI–XVII века (состав насельников) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 143.

а также немалые экономические возможности монастыря, по числу насельников его следует отнести к крупнейшим обителям. Численность братии таких обителей составляла 150–200 человек⁷⁴. Если это так, то убыль (127 человек) в Иосифо-Волоколамском монастыре могла составить от 63 до 85% от общего числа монахов. Очевидно, что после мора в обители осталось всего несколько десятков человек⁷⁵.

Видимо, за 8–10 лет после мора (к 1578/79 г.) численность братии достигла 130 человек путём активного пострижения в Волоколамской обители. Нельзя полностью исключить и возможность прихода какого-то числа иноков из других монастырей. Однако не приходится сомневаться в том, что, если в количественном отношении колоссальные демографические потери можно было, по крайней мере, частично восполнить за несколько лет, то для заполнения лакуны в «качественном» отношении требовались десятилетия. Обратим внимание на некоторые факты.

После поставления волоколамского игумена Леонида (Протасова) на Рязанскую кафедру в 1573 г. в обитель Иосифа на игуменство вызвали Тихона (Хворостина), лишь незадолго до того поставленного в настоятели Николо-Угрешского монастыря. Такая траектория карьеры волоколамского инока в XVI в. уникальна: другие случаи возвращения на игуменство в Иосифо-Волоколамский монастырь в рассматриваемый период неизвестны. Как правило, перемещения шли в обратном направлении. В Волоцкую обитель, как правило, её постриженники возвращались лишь на покой. Уникальное перемещение Тихона из игуменов Николо-Угрешского монастыря обратно в Иосифо-Волоколамский следует связать с фактами биографии едва ли не самого известного волоколамского книжника второй половины XVI в. Евфимия (Туркова). Он в 1575–1587 гг. был волоцким игуменом. Как сообщает духовная грамота Евфимия, после ухода Леонида из игуменов Волоколамской обители на Рязанскую кафедру в 1573 г. её старцы «много нудили» Евфимия «бых начальствовати» Иосифо-Волоколамским монастырём. Согласно этому источнику, братия «возвестила» о Евфимии царю. Он «начат ко мне кротце глаголати и понужати мою худость восприати началство великиа обители сеа, и мудрыми и тихыми глаголы увещаваа мя». Евфимий отказался. В результате из Николо-Угрешского монастыря спешно вызвали Тихона. Однако после того как спустя 2 года, в 1575 г., он был поставлен на Казанскую кафедру, на Евфимия вторично оказали давление как иноки, так и специально приехавший в обитель царь. В итоге Евфимий согласился стать игуменом. Литературное происхождение рассказа или какой-то его части исключать, конечно, нельзя⁷⁶. Однако не менее вероятным представляется и другой вариант развития событий: обезлюдевший от мора монастырь настолько остро нуждался в авторитетном настоятеле, что решение этой проблемы потребовало даже личного участия благоволившего монастырю Ивана IV. Именно благодаря его давлению на строптивного инока тот согласился возглавить обитель. Вряд ли стоит сомневаться в том, что в таком давлении

⁷⁴ По мнению А.И. Алексеева, численность братии в XVI в. колебалась от нескольких десятков до 150 человек (*Алексеев А.И. и др. Указ. соч. С. 95*).

⁷⁵ Зимин, справедливо отмечая пагубность морового поветрия для хозяйственной жизни монастыря, с иными событиями, находящимися в центре нашего внимания, его последствия не связывал (см.: *Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 314*).

⁷⁶ *Демкова Н.С. Указ. соч. С. 344–347*.

на единственного кандидата не было бы нужды, если бы у волоколамских иноков и царя имелся более богатый выбор.

В конце 1560-х — начале 1580-х гг. пятерых иноков Иосифо-Волоколамского монастыря поставили на кафедры. Читатель вправе спросить: если этот монастырь в 1568–1571 гг. действительно понёс такие серьёзные людские потери, откуда взялись эти несколько кандидатов? Обратим внимание на то, что по крайней мере двоих из будущих архиереев в период мора в стенах Волоколамской обители не было. В начале 1568 г. Иосифо-Волоколамский монастырь покинул игумен Лаврентий, поставленный 2 февраля того года на Казанскую кафедру. Ещё раньше из Волоколамского монастыря отбыл будущий казанский архиепископ Иеремия, в 1564 г. ставший сначала архимандритом свияжского Богородичного, а потом казанского Спасо-Преображенского монастыря. Возможно, в Иосифо-Волоколамском монастыре во время второго мора не было и будущего казанского владыки Тихона (Хворостина). Известные П.М. Строеву источники фиксируют его в роли настоятеля Николо-Угрешского монастыря под 1572–1573 гг.⁷⁷ Когда именно он стал игуменом — неясно. Последнее известное упоминание его предшественника — также волоколамского постриженника Пимена (Садыкова) — относится к 1571 г. Это даёт основания думать, что Тихон мог стать настоятелем Угрешской обители в 1571 г. В этом случае в момент мора его могло не быть в Иосифо-Волоколамском монастыре. Где в это время находился будущий крутицкий владыка Семион (1581–1582 гг.), неизвестно: он мог проживать как в Волоколамской обители, так и возглавлять какой-либо иной монастырь. Последний вариант выглядит более вероятным: как правило, до поставления на кафедры волоколамские иноки в течение какого-то времени возглавляли те или иные обители. Таким образом, во время мора среди тех, кто позднее будет поставлен на кафедры, в Иосифо-Волоколамском монастыре бесспорно проживал лишь возглавлявший в эти годы обитель будущий рязанский владыка Леонид (Протасов). Вероятно, мор в стенах Волоколамской обители пережил и будущий строитель костромского Ипатьевского монастыря Гурий (Ступишин).

Подводя итоги, отмечу, что значительное ослабление влияния постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря на управление Русской Церковью не связано с политическими или внутрицерковными факторами. Вероятный конфликт Ивана IV с выходцем из Волоколамской обители Германом (Садыревым-Полевым) не привёл к полному разрыву царя с обителью. Могущество монастыря в XVI в. определялось не только благоволением к нему светских лиц, делавших щедрые вклады. Общеизвестно, что вклады в Чудов, Троице-Сергиев или Кирилло-Белозерский монастыри были не менее щедрыми, а их земельные владения сопоставимы. Обитель Иосифа не могла похвастаться древностью или наличием святых с общерусским почитанием. Основа могущества Иосифо-Волоколамского монастыря заключалась в другом. Главный его ресурс — многочисленные и активные постриженники. Десятки наиболее деятельных и способных к делам церковного управления иноков, покинув обитель, становились игуменами и архиереями, при этом не порывая связи со своей *Alma Mater*. На место состарившихся или умерших приходили следующие поколения постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря, прошедшие в его стенах многолетнюю подготовку.

Падение влияния Волоколамской обители связано с почти полной утратой этого ресурса в результате резкого сокращения числа её иноков в ходе мора

⁷⁷ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 205.

рубежа 1560–1570-х гг. От мора в XVI в. пострадали и другие обители, «кузницами» руководителей Русской Церкви не являвшиеся⁷⁸. Отбор и подготовка кандидатов на роль настоятелей монастырей и архиереев, как правило, занимали не менее двух десятилетий. Именно поэтому для потерявшего до ¼ или даже более иноков Иосифо-Волоколамского монастыря потери оказались невосполнимыми. Отдельные уцелевшие постриженники, получившие подготовку в стенах обители до мора (в 1550–1560-х гг.), до середины 1580-х гг. ещё занимали кафедры, но заменить их было уже некому: основная часть потенциальных преемников не пережила мор 1568–1571 гг.⁷⁹

Главным результатом падения «волоколамской гегемонии» для системы управления Русской Церковью стало изменение всей структуры епископата. Нельзя не заметить, что его персональный состав в последней трети XVI в. с точки зрения духовного происхождения отличается гораздо более высокой степенью гетерогенности, нежели в значительной мере «волоколамский» епископат 1520–1560-х гг. Помимо воспитанников традиционных «кузниц» архиереев – Симонова, Чудова, Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей – в его ряды влились выходцы из владимирского Рождественского⁸⁰, Герасимова Болдина⁸¹, старицкого Успенского⁸², новгородского Юрьева⁸³, Псково-Печерского⁸⁴, Махришского⁸⁵, суздальского Спасо-Евфимьева⁸⁶ и костромского Ипатьевского⁸⁷ монастырей.

⁷⁸ В 1580/81 г. «в мор изомроша» 99 «валаамских старцев и слуг» (цит. по: *Шляпкин И.А.* Рукописи Валаамского монастыря // Библиограф. 1889. № 10–11. С. 198). О массовой гибели от мора в XVI в. иноков крупнейших обителей, постриженники которых ещё с XV в. замещали большинство кафедр (прежде всего Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей), известные нам источники не сообщают.

⁷⁹ Очевидно, что мор сократил число не только потенциальных кандидатов на руководящие посты в Русской Церкви, но и тех, кто их готовил, – опытных и, вероятно, уже немолодых старцев. С этим, по-видимому, и связано то, что из Иосифо-Волоколамского монастыря в последней трети XVI – первой четверти XVII в. не вышел ни один архиерей из поколения постриженных после мора рубежа 1560–1570-х гг. Очевидно, имел место полный разрыв между поколениями.

⁸⁰ Тверской епископ (архиепископ) Захария (1578–1602 гг.), ростовский архиепископ (митрополит) Варлаам (Рогов) (1587–1603 гг.), вологодский епископ (архиепископ) Иона (Думин) (1588–1603 гг.).

⁸¹ Вологодский епископ Антоний (1585–1587 гг.).

⁸² Коломенский епископ (1581–1586 гг.), ростовский архиепископ (1586 г.), митрополит (патриарх) Московский и всея Руси (1586–1605 гг.) Иов.

⁸³ Новгородского архиепископа (митрополита) Александра (1576–1591 гг.) поставили на кафедру из настоятелей Юрьева монастыря. Известно, что он был учеником Антония Сийского. Однако постриг он принял в одной из новгородских обителей.

⁸⁴ Тверской епископ Савва (1570–1572 гг.), казанский архиепископ Тихон (1583–1589 гг.).

⁸⁵ Суздальский епископ Варлаам (1570–1586 гг.).

⁸⁶ Коломенский епископ Савватий (1570–1571 гг.), суздальский епископ (архиепископ) Иов (1587–1592 гг.).

⁸⁷ Казанский архиепископ Вассиан (1575 г.).